

Митрополит Иларион: Очень важно, чтобы в информационном пространстве отражалась реальная жизнь Церкви

13 июля 2013 года гостем телепередачи «Церковь и мир» на телеканале «Россия-24», которую ведет председатель ОБЦС митрополит Волоколамский Иларион, стал главный редактор интернет-портала «Религия и СМИ» Александр Щипков.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодня мы поговорим об образе Церкви в средствах массовой информации. У меня в гостях – главный редактор интернет-портала «Религия и СМИ» Александр Щипков. Здравствуйте, Александр!

А. Щипков: Добрый день, Владыка! Большое спасибо за приглашение на Вашу программу. Тема, которую Вы затронули, с одной стороны простая, потому что мы все читаем газеты, пользуемся Интернетом, смотрим телевидение, но с другой стороны – необычайно сложная, потому что о Церкви пишут невероятно много. Если лет пятнадцать-двадцать назад журналистов, которые писали о религии, я знал всех лично (их было десять-пятнадцать человек), то сегодня это тысячи людей. Я бы сказал, они пишут достаточно квалифицированно, но в тоже время возникли новые проблемы. Очень много критических материалов о Церкви. Иногда они справедливы, а иногда несправедливы и, может быть, даже обидны. Поэтому возникает вопрос: как относиться к этим материалам и их авторам? Вы ведь тоже читаете прессу. Как Вы реагируете, когда читаете материал, который явно задевает Вас лично, обижает?

Митрополит Иларион: Прежде всего, я хотел бы сказать, что у каждого журналиста есть ответственность за донесение до читателя правдивой информации. Вне зависимости от того, нравится или не нравится журналисту предмет, который он описывает, или сюжет, с которым он сталкивается, он должен донести правду. Поэтому, если есть у церковных людей недостатки и эти недостатки всплывают на поверхность, мы не должны обижаться, если о них пишут. К сожалению, случается так, что очень многие добрые дела, которые совершаются Церковью, церковными людьми, замалчиваются, они журналистам неинтересны. Но как только возникает какой-то негатив или какой-то повод написать что-нибудь негативное о Церкви, этим поводом охотно пользуются.

Существует очень серьезная проблема дисбаланса в средствах массовой информации, в результате которого повседневная жизнь Церкви, которая приносит людям много добра, света, приносит им смысл жизни, остается за кадром. А на поверхность всплывают такие вещи, которые иной раз могут оттолкнуть или отпугнуть от Церкви. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в материалах, посвященных другим темам, – например, медицине. В больнице могут сделать тысячи успешных операций, но никто об этом не напишет, потому что все считают, что это в порядке вещей. Кто напишет о враче, который за свою жизнь спас тысячи человеческих жизней? Но если, не дай Бог, произошла неудачная операция, какой-то врач попался на взяточничестве, или случилось еще какое-то происшествие, то об этом обязательно напишут. И у людей будет создаваться впечатление, что все врачи взяточники, что операции совершаются недоброкачественно, и так далее.

А. Щипков: Посмотрим с другой стороны. При советской власти (если вспомнить 20-е, 30-е годы), когда шла массированная антирелигиозная пропаганда, те люди, которые писали против Церкви, были воинствующими безбожниками. 1991 год. Наступает свобода. Вроде, все боролись за свободы – политические, религиозные. Вроде, все эти свободы мы получили. И вдруг начинается резкая критика Церкви. Иногда просто нападки. Кто стоял за этим? Это же не большевики. Откуда они взялись? Вот вопрос, на который я ищу ответ.

Митрополит Иларион: Во-первых, надо сказать, что Церковь не у всех вызывает симпатию. Есть люди, у которых она вызывает раздражение. Я никогда не мог себе объяснить, почему одни люди к Церкви тянутся, а других она отталкивает. Вот зайдут два человека в Церковь. Одному все нравится, все интересно, его это притягивает, даже если он это не понимает. А другого это отталкивает. Это первое.

Во-вторых, есть такое явление как заказная журналистика. Есть журналисты, которым платят за то, чтобы они писали негативный материал либо о Церкви вообще, либо о конкретном церковном деятеле, либо о каких-то аспектах жизни Церкви. Иногда это бывает шито белыми нитками. Когда, например, об одном и том же священнослужителе в течение ряда лет появляются тенденциозные, предвзятые, клеветнические публикации, как это было в 90-е годы, в начале 2000-х годов. А иногда это бывает не очень заметно, и люди читают и думают: «Да, действительно. Смотрите, даже в Церкви такое творится. Куда же нам податься?». Опасно, что выпячиваются какие-то негативные стороны жизни, а позитив остается в тени, и люди такими публикациями соблазняются. Это отталкивает людей от Церкви.

А. Щипков: Недавно вышел любопытный сборник статей. Среди авторов есть довольно известные имена – такие как Виталий Третьяков, Максим Кантор. В одной из этих статей есть любопытное наблюдение. Автор пишет, что богоборцы, или, лучше сказать, борцы со Христом существовали

всегда. Они были до советской власти, при советской власти и есть сегодня. Когда мы смотрим на сегодняшних богоборцев, то, с одной стороны, это те же самые богоборцы, которые действовали в начале XX века, но разница в том, что тогда у них было одно политическое мировоззрение – они были большевиками, а сейчас у них сменились убеждения – сейчас это люди либеральных политических взглядов. Автор говорит, что политическое значение имеют не взгляды, а внутреннее состояние человека.

Многие удивляются: большевиков уже нет, а в прессе появляются такие жесткие публикации, доходящие до призывов к гонениям. Например, предлагают отменить патриаршество. Что это значит? Это прямой призыв нарушить жизнь, ритм Церкви, обезглавить Церковь. И с такими заявлениями выступают достаточно известные политики и политологи. Лично для меня до конца не ясен вопрос, как с этим быть, как работать, как взаимодействовать с коллегами. И вопрос этот осложняется тем, что ко всем надо относиться с любовью, на что у меня не всегда хватает сил...

Владыка, скажите, а что Вы читаете из периодики?

Митрополит Иларион: Из периодики я читаю то, что попадает под руку, как правило, в самолетах. Я не читаю ни одну газету систематически. Я сажусь в самолет «Аэрофлота», разносят газеты, и я беру практически все, что дают. А так как летаю я очень часто, то, соответственно, и газеты просматриваю довольно регулярно.

Мне кажется, что проблема, которую Вы затронули, связана, в том числе, с некоей дистанцией, которая существует между Церковью и миром средств массовой информации, потому что Церковь по-прежнему воспринимается как некий закрытый специфический институт. У людей есть определенная боязнь Церкви. Это относится и к тем простым людям, которые говорят: «Я не хожу в Церковь, потому что не знаю, как себя там вести. Я боюсь, что меня оттуда выгонят. Там какой-то свой мир. Там молятся на непонятном языке». У многих людей есть набор предрассудков, касающихся Церкви, и это отнимает возможность просто прийти в Церковь и стать церковным человеком.

К сожалению, некоторые журналисты этому способствуют, сознательно представляя Церковь закрытым институтом, который живет своими корпоративными интересами, который выполняет чей-то политический заказ. Призывы, о которых Вы упомянули, неслучайны, потому что они исходят, как правило, от ангажированных, идеологизированных, политизированных журналистов, которые выполняют заказ на ослабление Церкви. А каким образом Церковь можно ослабить? Прежде всего, путем ослабления ее канонических устоев. Вы упомянули призывы к отмене патриаршества. В этом мало кто разбирается, поэтому мало кто на эту тему пишет. Гораздо больше пишут о том, что в независимой стране должна быть независимая Церковь. Вся идеология

украинского раскола построена на этом лозунге. Причем на Украине есть целый пул журналистов, который эту идеологию обслуживает. Есть и у нас недруги Церкви, которые таким журналистам поддакивают. А ведь чем обусловлено это желание во что бы то ни стало расчленить Церковь? Прежде всего, стремлением ее ослабить. Что выйдет, если мы начнем делить Церковь по территориальному признаку? В составе Русской Церкви 15 государств, а в составе Александрийского Патриархата их 54. И если мы станем дробить Поместные Церкви по числу тех страны, в которых они присутствуют, у нас получится не 15 Поместных Церквей, а 150. Что это даст? Ничего, кроме ослабления жизни Церкви. Потому что маленькая Церковь в маленькой стране, лишенная прямой связи с соседними странами, конечно, будет менее успешно вести свою миссию, чем большая Церковь, в которой разные народы делятся своими ресурсами.

А. Щипков: Очень часто, Владыка, мы встречаемся с прямыми подменами. Например, сегодня очень популярна тема о клерикализации нашего государства, о том, что якобы происходит сращивание Церкви и государства, что Церковь вмешивается в государственные дела. Но дело в том, что сам термин «клерикализация» имеет четкое определение – это возможность Церкви влиять на принятие государством политических решений. Совершенно очевидно, что Церковь не вмешивается в принятие политических решений Российским государством. Тогда возникает вопрос, что подразумевают публицисты, которые пишут на эту тему. На мой взгляд, они подразумевают связь Церкви с обществом. Влиять на общество Церковь имеет полное право, потому что Церковь зарегистрирована как общественная организация и по конституции имеет право распространять свои взгляды в печатном виде, устным образом – она любым способом может делиться своим мировоззрением (и в этом заключается ее миссионерская задача) как любая общественная организация. Тогда почему любая общественная организация может воздействовать на общество, а Церковь нет? Но иногда мне кажется, что Церковь в лице ее иерархов предпочитает другой раз промолчать, чем выступить. Чем это обусловлено?

Митрополит Иларион: Это обусловлено определенной инерцией, которая у нас существует еще с советского времени, когда Церковь была вынуждена молчать, потому что ей не давали возможности говорить. Особенно это относится к священнослужителям старшего поколения, которые были так воспитаны. Им тяжело ввязываться в публичную дискуссию и, я думаю, что они правильно делают, что в нее не ввязываются. Другое дело, что у Церкви должны быть специальные органы, которые отвечали бы на критику, нападки и которые информировали бы мир о жизни Церкви. Сейчас уже во многих епархиях есть свои информационные отделы, которые рассказывают, что происходит в жизни епархии.

Сегодня информационное пространство – важнейшая часть жизненного пространства человека, и то, что происходит в реальной жизни, очень часто оказывается за рамками этого пространства. А для нас очень важно, чтобы именно реальная жизнь Церкви отражалась в информационном

пространстве, чтобы у людей не было страха перед Церковью как якобы закрытой институцией, чтобы люди получали объективную информацию. Существуют стереотипы, что богослужения в Церкви совершаются на непонятном языке. И если мы не объясним, что понять этот язык вовсе не трудно – нужно предпринять лишь некоторые усилия, – то человек так и будет думать, что наш славянский язык – то же самое, что латынь для западных стран.

Существует очень много предрассудков и предубеждений, которые могут быть разрушены простым информированием и, таким образом, для людей откроются новые пути к Церкви. Для нас это очень важно, поэтому мы не хотим быть молчащей Церковью. Мы хотим участвовать в жизни общества, никому при этом ничего не навязывая. Церковь не отделена от общества, будучи отделенной от государства. И сращивание Церкви с государством – это миф: государство занимается своим делом, а Церковь – своим. Но мы убеждены, что имеем полное право, более того – нравственный долг высказываться по всем общественно значимым вопросам, чтобы люди знали точку зрения Церкви. А примут они ее или нет, зависит от каждого человека.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/52487/>